
IV. ЯЗЫК И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

П.Д. Тищенко

АНАЛИТИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Современная наука, которая с определенной долей условности может быть названа постклассической, ставит перед философами в новой плоскости ряд достаточно традиционных вопросов. Одним из таких вопросов является вопрос о роли языка в процедурах научного познания. В. Аршинов и Я. Свирский в новаторской статье "Синергетическое движение в языке" интерпретируют язык науки как активную самоорганизующуюся среду познавательного процесса, в которую в равной степени погружены и субъект познания, и его объект (1). При этом в рамках естественнонаучного подхода появляется возможность содержательной ориентации на "диалог, историческое время и становление как онтологические характеристики", что в свою очередь как бы преодолевает установленный классической наукой и выросшей на ее базе метафизикой разрыв между естественнонаучным и гуманитарным стилем мышления (1, с. 35).

Проект синергетического движения в языке стремится избежать выхода в метапозицию по отношению к языку (на чем строилась классическая методология науки). Цель заключается в отработке навыков "синергетического движения в языке", которое призвано лишь наводить на мысль. Мысль случается как спонтанная неконтролируемая субъектом "вспышка сознания". При этом деятельность мыслящего выступает не причиной этой вспышки, но тем, что создает определенного рода условие для спонтанного события через некую духовно-душевную склонность и волевое усилие.

Иными словами, синергетическое движение в языке играет не инструментальную роль средства для выражения хранящейся во "внутреннем" мире субъекта мысли, но как бы "подставляет" субъекта под мысль, создает возможность для того, чтобы он ока-

зался захваченным мыслью. Не субъект с помощью слов мыслит, а язык в своем самодвижении использует субъекта в качестве средства для производства события мысли.

Правда, при всей захваченности языком на долю субъекта (вольнo или невольнo для разработчиков проекта) оставлено нечто "свое", а именно чистая воля, "напрягающая" его в "усилии" склонения к возможной захваченности мыслью в языке. Подробней остановимся на этом недостаточно обсужденном в статье соображении несколько позднее. Сейчас хотел бы подчеркнуть - перед нами радикальное расставание с буквой и духом классической методологии и философии науки. Расставание, в котором нет даже вежливого "прости". Просто взяли и пошли в сторону. Не думаю этих путников останавливать.

Единственное, что у меня вызывает возражение, так это тот факт, что при всем радикализме программы синергетического движения в языке ее создатели прихватили с собой такие явно метафизические изделия как "субъект" и "объект". Исход из страны классического рационализма, по моему представлению, оказывается у В. Аршинова и Я. Свирского недостаточно радикальным.

Текст статьи описывает ситуацию таким образом, как если бы субъекты и объекты как некие наличные образования были "погружены" в языковую среду и весь вопрос заключался в том, чтобы установить коммуникативный канал для их активного взаимодействия. Подчеркну, что речь идет не о том, что имели в виду писавшие этот текст, ни каждый в отдельности, ни оба вместе, а именно о том, что сам текст сообщает. Если серьезно продумать утверждение - "язык говорит человеком", а следовательно, "уходит" от личных намерений и "уводит" за собой предмет разговора, то подобное соображение будет выглядеть самоочевидным. Прислушаемся к тому, что сообщает текст.

Для этого приведем пару характерных цитат: "Нам нужен взгляд на язык как на самоорганизующийся процесс, включающий в себя традиционного субъекта, который не просто погружен в язык как в активную нелинейную среду, но и телесно чувствует и мыслит в ней и посредством нее." - И чуть ниже еще одно принципиальное уточнение: "При этом в классический язык анализа, опирающийся на дихотомию субъекта и объекта, привносится вектор условности, ибо сразу нельзя сказать кто блуждает и где (в каком пространстве) это поле" (1, с.40). Вопрос ставится в плоскости точности описания того, что или кто так или иначе всегда находится в присутствии.

Поэтому вне намерений писавших в статье наличествует отождествление "субъекта" и человека, "объекта" и определенного предмета из того, что составляет человеческое окружение. Так вместо слова "субъект" авторами нередко используется местоимение "Мы". Например, предполагая вопрос о гносеологическом субъекте, пишется: "...двигаясь в языке, ...мы находимся в нем, пребываем в нем, "подвешены в нем" как любил говорить Н.Бор..."(1 с., 31).

В иероглифике Г.П. Щедровицкого этого субъекта можно представить в форме двух взявшихся за руки человечков, носящихся в волнах языкового потока вместе с разнообразными предметами=объектами (электронами, галактиками, амебами, вымершими динозаврами, текстами Мишеля Фуко, надписями на заборах и аистами, нарисованными тонкими кисточками на рисовой бумаге, запахах розы, которую никто не нюхал, улыбками чеширского кота, отрыжками, принятыми как знаки вежливости у воспитанных китайцев, и др.). Сам акт взаимодействия плавающих человечков с болтающимися в волнах языка предметами метафорически обозначается как "чтение" некоего фрагмента текста, создающего "между" ними коммуникационный канал.

Дополнив для большей эвристичности идею синергетического движения в языке теорией клеточных автоматов С.Я.Берковича, создатели приходят к возрождению древней метафоры познания как процесса чтения некоторого текста, на котором записаны смыслы бытия. Тем самым формируется особая онтологическая модель мироздания, в перспективе которой оно фигурирует "как своего рода текст, составленный из отдельных слов, фраз, предложений и т.д.; текст, управляемый определенными грамматическими правилами и имеющий некий смысл. Такой текст не является статичным и не обладает однозначно фиксируемым смыслом. Тогда процесс нашего познания можно уподобить чтению текста... С другой стороны, сам процесс прочтения, будучи диалогичным, неотделим от процесса порождения нового смысла "(1, с. 45-46).

Я считаю, что предложенная версия синергетического движения в языке является чрезвычайно плодотворной гипотезой. Однако мне представляется полезным для ее дальнейшего развития провести своеобразную аналитическую разборку научного дискурса с тем, чтобы отследить, что стоит за терминами субъект и объект в реальной познавательной ситуации современной науки.

Принимая во внимание выше сказанное, приступим к аналитической разборке.. Собственно говоря, в самом тексте статьи "субъект" уже оказывается распрепарован на две "составляющих" - на погруженный в язык коммуницирующий с объектами и на "волящий", напрягающий и настраивающий себя на определенную стратегию присутствия в языке.

Одновременно аналитика научного дискурса требует достаточно ясного различения двух фигур, которые в просторечии отождествляются, но в реальной ситуации не бывают тождественны практически никогда. Это фигура "писателя" - того, кто реально телесным усилием произвел на свет некий текст, и фигуры "автора", которая возникает в процессе другой телесной практики - чтения.

Автор - это голос в ментальном пространстве читающего, который возникает в процессе чтения и с которым читатель ведет, покуда чтение длится, своеобразный диалог в формах овнешненной и "внутренней" (по Л.С.Выготскому) речи. Написанный текст в процессе чтения во внутреннем мире читателя превращается в речь, которая живет своей собственной жизнью. Весь фокус ускользания речи от текста заключается в "..несовпадении речи и языка в его письменном выражении. Речь послушно следует сложившейся грамматической архитектонике текста. Однако сколько новых неформализуемых моментов она привносит от себя в интонациях, паузах, мелодике звучащего голоса, его чувственной окраске, накопленной в бессознательном и связанной с "внутренней формой" слов энергией пережитых конфликтов, несущественных желаний, телесных и душевных страданий" (3, с.289).

Я не знаю, что пошло на ум написавшим этот текст, и не очень убежден, что одно и то же обоим писателям. Однако как читатель, я обладаю привилегией, во-первых, не знать того, что не написано. А во-вторых, распаковывать написанные фрагменты текста по своему усмотрению, двигаясь в том направлении, в котором адресуют меня присутствующие в нем метафоры. Метафора познания как диалога навязывает мне вполне определенное направление интерпретации. Написавшие статью не случайно наделили объект парадоксальной способностью "понимания".

Итак, напомним что, по мнению автора, для верного, т.е. направляющего на мысль самоорганизующегося движения в языке необходимо некоторое усилие, непосредственно не следующее из факта движений во все охватывающей среде языка. Однако эта воля к правильному движению в языковой среде трансцендирует

волящего, ставя его в некое отношение к языку и восстанавливая в несколько иной форме принципиальную возможность интерпретации в категориях инструментального отношения. Повторюсь, речь идет не о трансцендировании гносеологического субъекта, как это имеет место в рамках гносеологического отношения, а о трансцендировании субъекта "волящего". *Мир языка, в котором "подвешен" гносеологический субъект в свою очередь оказывается "подвешен" на онтологически первичном волевом усилии.*

При этом инструментализм здесь возникает нового типа. Волевым усилием настраивающий себя на мысль человек действует не как ремесленник, который с помощью языка как пассивного средства выражает некую идею, до акта выражения локализованную в его "голове", а как крестьянин, своим действием лишь способствующий обнаружению внутренней творческой энергии почвы. Но сколь бы ни был послушен (т.е. открыт ей не только манипулятивно, но и коммуникативно) крестьянин к зову земли, к дыханию ее ритмов плодородия - на его долю или, точнее, в его удел выделено ответственное и рискованное *дело демаркаций*: проведения борозд и меж, раскорчевка, прополка, уваживание и т.д. В действии на земле крестьянин погружен в постоянный диалог с ней, имманентен языковой среде этого диалогического общения. Однако в своем *желании* большего он автоматически трансцендирует себя, выставляет из отношения чистого послушания (что, по сути, должно означать позицию пассивного собирательства) в отношении власти использования и собственности. Сад, конечно, сам растет, но, с другой стороны, он есть "изделие", полученное благодаря раскорчевке диких зарослей, прополки сорняков, посадки того, что не росло в данном месте и т.д.

Разработчики проекта синергетического движения в языке так же используют язык не в стихийно приходящей "на ум" форме, но культурно обрабатывают его, проводят свои "борозды" и "межи", удобряя компостом памяти культуры, и занимаются прополкой, например, вводя эвристически полезный запрет на употребление "готовых" понятий и представлений. В результате с необходимостью в текст возвращается метаязык, хоть и не такой как в классической методологии. "Предполагаемый метаязык утрачивает свойственную классическим языкам прозрачность и замкнутость, вбирая в себя некий модельный элемент, ухватывающий механизмы становления и самоорганизации" (1 с.43). Этим языком воля к знанию старается что-то ухватить, как ухватом. Однако неточность метаязыка приводит к тому, что на сцене

немедленно появляется парадокс. Дело в том, что предложение типа: "Предложение, которое я сейчас пишу, не является правильно составленным" является внутренне противоречивым (5, с.201).

Попытаемся отразить некоторые элементы "устройства" субъекта воли, опираясь на инструментарий структуралистского анализа Ролана Барта. В статье "Война языков" он проводит любопытную аналитику табличек на воротах усадеб. Доминирующими оказались три типа: "Злая собака", "Осторожно, собака!" и "Сторожевая собака". По мнению Барта, язык, описывая в принципе одно и то же объективное обстояние дел, в одно и то же сообщение вкладывает три разные типа "личной вовлеченности", три "образа мыслей" и, "если угодно, три личины собственности". Поскольку мне это рассмотрение действительно весьма угодно для аналитики субъекта, то приведу обширную выдержку из дальнейшего рассуждения Барта: "С помощью языка своей таблички - я буду это называть дискурсом, поскольку языковая система во всех трех случаях одна и та же, - хозяин каждой усадьбы воздвигает себе надежное укрытие в виде определенного образа, я бы сказал определенной системы собственности. В первом случае эта система основана на дикой силе (собака злая, и хозяин, разумеется, тоже), во втором - на протекционизме (остерегайся собаки, усадьба находится под защитой), в третьем - на законности (собака сторожит частное владение, таково мое законное право). Итак, на уровне простейшего сообщения (*Ne входите*) язык (дискурс) взрывается, дробится, расходится разными путями - происходит разделение языков, ...в дело вступает общество со своими социоэкономическими и невротическими структурами, и оно образует из языка поле брани" (2, с.535-536).

Поскольку в основе отношения собственности лежит власть и распоряжение над чем-то (землей, информацией, орудием, человеком и т.д.), то в полном соответствии с Бартом таблички на воротах скрывают три фигуры власти: власть, основанную на чистом насилии, протекционистская власть, апеллирующую к авторитету и власть, устанавливающую свое присутствие в форме закона. Для Барта лишь первый тип власти играет роль власти как таковой. Тип языка, который с ним связан, он называет *энкратическим*.

"Энкратический язык нечеток, распылчат, выглядит как "природный" и потому трудноуловим; это язык массовой культуры (большой прессы, радио, телевидения), а в некотором смысле также и язык быта, расхожих мнений (догсы); сила эн-

кратического языка обусловлена его противоречивостью - он весь одновременно и подспудный (его нелегко распознать) и торжествующий (от него некуда деться); можно сказать, что он липкий и всепроникающий" (2, с.537). Энкратический язык тотален по сфере действия и тоталитарен по конфигурации власти, в нем упакованной.

Языки, не связанные с прямым насилием и принуждением, Барт называл *акратическими*. Акратический "язык резко обособлен, отделен от доксы (т.е. парадоксален); присущая ему энергия разрыва порождена его систематичностью, он зиждется на мысли, а не на идеологии"(2, с. 537).

Конечно, упакованная в фигурах акратических языков власть более "мягкая", но от этого она не перестает быть властью. То обстоятельство, что Барт относит к акратическим языкам марксистский и психоаналитический, делает термин "акратический" скорее ироническим, чем дескриптивным. Не трудно заметить, что и авторитарный, и правовой (или научный) типы власти действительно противостоят липкой идеологии обыденного языка тем, что основываются на определенном типе знания. Причем если в первом случае власть зиждется на мысли авторитета (Отцов Церкви, классиков марксизма-ленинизма, Фрейда и т.д.), то во втором - на авторитете самой мысли, или точнее - того всеобщего содержания, которое в ней представлено.

Для удобства далее буду называть энкратический дискурс эн-дискурсом, акратический дискурс первого типа - *a1-дискурсом*, а акратический язык второго типа *a2-дискурсом*.

Анализ, осуществленный Роланом Бартом, позволяет провести дальнейшее расчленение субъекта и различить некоторые элементы анатомии его "волящей" ипостаси. При движении в языке из одного дискурса в другой конфигурация *желания и воли* к познанию будет также меняться, приобретая черты тоталитарного, авторитарного или властного отношения, основанного на законе.

Более того, если внимательней приглядеться, то, собственно говоря, в энкратическом языке или языке "мифа", если использовать терминологию Арпинова-Свирского, никакого точечного субъекта как выделенного адресата в коммуникативном пространстве нет. Напряжение и воля к знанию есть, и движение, входящее в состав познавательного процесса, также есть, а волящей субъективности нет. Это язык, которым переполнены учебники и введения к экспериментальным и теоретическим статьям. Он проникает в поры и создает всепронизывающую среду

"ясного", "очевидного" самого по себе в дискурсах любого другого типа.

Точечный субъект появляется только в а1-дискурсе в словосочетаниях типа "измерил", "разогрел", "ввел", "разогнал" и т.д. Вместе с появлением в пространстве языка "точки" субъекта меняется характер процессуальности. Происходящее в рамках энкратического дискурса имеет форму "событий", в свою очередь происходящее в рамках авторитарного дискурса - поступков или действий. Причем поскольку энкратический язык проникает в поры акратических языков, образуя слоистую структуру, то всплывшая точка субъекта постоянно как бы мерцает - появляется и исчезает в коммуникативном пространстве.

Одновременно лишь в а1-дискурсе вычленяется в качестве особого образования предметность, называемая объектом также как некая выделенная в пространстве коммуникации мерцающая "точка" приложения действия. Иными словами, лишь в а1-дискурсе мир событий как бы раскалывается, будучи расчлененным асимметрией действия на его источник (субъекта - того кто сделал) и предмет действия (объект) - точку ее приложения, тем самым превращаясь в исторический мир поступков. А1-дискурс открывает присутствие субъекта и объекта друг для друга и взгляда "внешнего" наблюдателя, как бы помещая их на открытое место, в просвет ясности.

Однако в каком смысле перед нами гносеологический субъект и объект гносеологического отношения? Думается, что их еще в А1-дискурсе нет.

Мир субъекта и объекта, создаваемый а1-дискурсом, "гаснет" в тот самый момент, когда язык заносит "читателя" или "писателя" не только в эн-дискурс, но и в а2-дискурс. Хотя в а2-дискурсе также открывается мир, в котором присутствуют образования с лейблами субъект и объект, но архитектоника этого мира становится иной, и я бы сказал - анатомия этих предметностей также меняется.

Разберем простой пример. Представьте себе физика, который сообщает в научной статье: "Как известно, теплоемкость является одной из важнейших характеристик металлов. Для уточнения ее закономерностей мы нагревали образцы металлов до температуры 20 градусов по Цельсию, затем помещали их в термостат с температурой 10 градусов и далее через каждые 5 секунд регистрировали изменение, происходящее в системе. Наблюдалось падение температуры, хорошо описываемое системой уравнений определенного типа."

Эн-дискурс первого предложения вводит читающего и пишущего в гносеологическую ситуацию, структурируя мир этой ситуации так, как если бы он заранее был дан. Ясность, открывающая определенные фрагменты присутствующих предметов взору читающего или пишущего, не нуждается в обоснованиях - она просто есть. "Объяснения" и "прояснения" в эндискурсе не требуются.

A1-дискурс контролирует второе предложение в нашем примере. A2-дискурс - третье. Вопрос, который меня интересует в связи с данным примером, включает два подвопроса: "Совпадают ли субъект и объект в первом, втором и третьем предложениях?" и "Какое отношение они имеют к каким-либо человеческим индивидуальностям?"

Текст построен таким образом, что всегда сохраняется как наличествующий в присутствии некий инвариантный предмет сообщения - "то, о чем" ведется речь. Однако это совпадение справедливо лишь на уровне "мира по мнению", как сказали бы древние греки. Дело в том, что не совпадают онтологии миров, которые задаются каждым из предложений. В первом предложении предметность, которая открывается читающему и пишущему, не индивидуализирована. В рамках эн-дискурса просто есть металлы. И они обладают свойством теплоемкости не с чьей-то точки зрения и не в силу некоего закона, а сами по себе - это просто "всем известно".

Во втором предложении предполагается мир, в котором события детерминированы волей и идеей, которые приписываются субъекту. Тот факт, что металл изменил свою температуру, детерминирован соответствующим действием субъекта, принадлежащей ему идеей исследования. Путь к пониманию событий в этом мире проложен через процедуры "ухватывания" смысла действий субъекта.

Причем поскольку данного рода эксперимент может быть воспроизведен в любом другом месте, в любое другое время, любым другим экспериментатором, предполагается в качестве самоочевидной предпосылки, что детерминация носит необходимый характер, а смысл - универсальный. Конфигурация власти субъекта над объектом построена по типу авторитарной "вертикали".

При попадании из дискурса второго предложения в дискурс третьего радикально меняется онтология мира, о котором идет речь. Прежде всего изменился характер скрепы, связывающий события, на которой все в этом мире держится и устанавливается

связь между объектами. Место "воли" мира А1-дискурса заняла "природная необходимость" мира А2-дискурса. Одновременно возникает фундаментальный онтологический разрыв между субъектом и объектом, которого не было в мире А1-дискурса. Субъект из действующего превращается в чистого "наблюдателя", чье вторжение в процесс объективно разворачивающихся событий категорически исключено идеей причинной связи. Одновременно объект из "образца" в пространстве экспериментальных манипуляций превращается в "точку" в координатном пространстве время-температура.

Однако этот запрет не означает отсутствия связи. Скрепка, связывающая в А2-дискурсе субъект и объект, обладает парадоксальным свойством держать их на расстоянии, вводя запрет на любое соприкосновение, на любую интервенцию "субъективных" факторов в мир объективных событий и одновременно открывать друг для друга истинное содержание. Она имеет вид чистого разрыва, "ничто", который одновременно играет роль просвета, поскольку только попадая в него объект обнаруживает свое истинное устройство, точно так же, как и субъект получает возможность отрефлексировать (разглядеть) свое содержание как трансцендентального субъекта.

Принципиально важно отдать отчет в очевидном, но из-за этого выпадающим из поля зрения, - в этих мирах совершенно по-разному задается "ясность" представляемых событий. Процедура прояснения ситуации (если возникнет какая-либо неясность) в А1-дискурсе структурируется вопросами "как?" и "зачем?". В А2-дискурсе процедура иная - в ней на место вопроса "зачем?" устанавливается вопрос "почему?". Пытаясь прояснить для себя смысл действий экспериментатора, мы можем сколь угодно долго продвигаться вперед, используя ту или иную технологию герменевтического анализа, вводя в представление новые и новые квалификации смысла его поступка. Однако если при этом крепко держаться на поводу поставленного вопроса, т.е. размышлять по его поводу и существу, то ни при каких обстоятельствах к причинам не придем.

То же самое справедливо и по отношению к проясняющему движению в рамках вопроса "почему?". Сколь угодно долгое прояснение и уточнение причинных отношений, если размышлять по поводу этого вопроса и его существу, никогда не прояснит, т.е. не откроет и не обнаружит как вот здесь присутствующий "смысл".

Иными словами, можно сколь угодно долго двигаться в просвете мира А1-дискурса и при этом не иметь никакого шанса обнаружить предметности, открываемые в просвете А2-дискурса. И наоборот.

Поэтому при переходе в процессе письма или процессе чтения из второго предложения в третье мир авторитарно структурированной власти гаснет, а новый мир объективных отношений вспыхивает. Мы попадаем из одной "ясности" и "света"(истины) в другую "ясность" и другой "свет". Из поля притяжения одного типа власти в поле притяжения другого типа. Возникает не просто "мерцание мира", а мерцание миров.

Теперь удобно рассмотреть то, как задает онтологию мира дискурс первого предложения. В этом мире нет ни прямой перспективы причин, ни обратной (в терминологии Флоренского) перспективы смысла. В нем нет ассиметрии, задаваемой манипулятивным или коммуникативным действием. Эн-дискурс - это та часть языка, за которую ни говорящий, ни пишущий не отвечают. В мире эн-дискурса нет скреп и связей типа воли или необходимости. В нем предметы плотно пригнаны друг к другу как декартовы атомы - без промежутков. В мире эн-дискурса нет никаких "диалогов", субъектов и авторов. Душа не отделена от тела, а видение чего-либо одновременно означает и мышление, понимание этого.

В эн-дискурсе неуместны технологии прояснения, поскольку все, что открывается в присутствии, и так ясно само по себе. В нем всепроникающая и не требующая посредников власть, связывающая означаемое и означающее в нерасчлениваемую данность факта, приобретает свойство, которое Л.П.Киященко назвала "гипнотическим воздействием языка"(3. с.10).

Таким образом, три предложения, которые при беглом прочтении можно проглотить как бы залпом, скрывают за собой пересекающиеся миры, в которых открываются разные предметности, принципиально по-разному связанные и как бы погруженные в разный тип света. Язык, как писал Барт, "взрывается", распадаясь на многообразие дискурсов-миров, в которых три представленных выше составляют лишь малую толику.

Поэтому достаточно благоразумно будет утверждать, что субъекты и объекты в разных мирах являются несопоставимыми между собой предметностями. Причем предметностями не в языке, а самого языка-А1 и А2-дискурсов, которые погружены в эн-дискурс, неартикулирующий бытие на субъект и объект.

Теперь ответим на вопрос на сколько благоразумно, говоря о субъекте, отождествлять это образование в языке с неким конкретным человеком.

Субъект является формой самоидентификации современных людей в том же смысле, в котором животные использовались американскими индейцами для собственной самоидентификации. Поэтому человека X можно считать тождественным с гносеологическим субъектом в том же смысле, в котором индеец, называющего себя "Длинноухий олень", можно считать неким оленем с длинными ушами.

Во время ритуального танца этот индеец, конечно же, вправе надеть на себя маску оленя с длинными ушами, и, конечно же, эта маска позволит другим участникам ритуального танца лучше различать его "сущность" и соответствующим образом с ним коммуницировать. Но, во-первых, эта маска ему досталась от умершего предка, и придет время, когда кто-то другой оденет на себя эту же маску, и все участники ритуального танца с этим другим человеком будут коммуницировать точно так же. А во-вторых, благоразумные индейцы, и этим они отличаются от неблагоразумно поступающих методологов, не станут убивать и жарить на костре маску оленя, как они поступили бы с реальным оленем. Когда методолог утверждает, что субъект некоторым образом входит в объект, поскольку человек оказывается не только исследователем, но и предметом исследования, то с моей точки зрения происходит событие, эквивалентное попытке зажарить маску оленя вместо самого животного.

Субъект, эта форма самоидентификации человека, такая же, как маска для индейца. Причем маску эту одевает в постклассической науке не один человек, как в классической науке времен Ньютона, а коллектив, в который могут не входить те, кто реально измеряет или рассчитывает что-то, и входить многие из людей, не имевших прямого отношения к процессам исследования.

В подавляющем большинстве современных научных статей "автором", который сообщает о том, что при изучении объекта X при определенных условиях У он наблюдал некий эффект, является группа ученых. В некоторых физических статьях перечень соавторов занимает до половины всего текста публикации. Причем вполне может оказаться, что ни в каком смысле никто из перечисленных в списке ничего подобного и не наблюдал. Заключение о имевшем место факте может делаться гораздо позже на основе сравнения десятков и сотен изолированных измерений, их

математической обработки, теоретической интерпретации. После горячих споров и обсуждений приходят к выводу, что действительно "наблюдался определенный эффект". Но если эффект наблюдался, то кем-то, кто его наблюдал, - наблюдателем. Причем этот наблюдатель в буквальном смысле изготавливается в процессе разговоров, дискуссий, обменов эмпирическими данными и окончательно оформляется в процессе письма научной статьи.

Если что-то наблюдалось, то методолог вполне может построить "точечного" наблюдателя и проводить все необходимые методологические манипуляции с этой фикцией. Причем эффективность методологического анализа несколько не уменьшается из-за оперирования фиктивным точечным наблюдателем, так же как не уменьшается эффективность физической теории из-за присутствия фикций типа "идеальный газ" или "точечный заряд".

Автор, написавший текст экспериментальной статьи, оказывается группой соавторов, из которых реально письмом мог заниматься и один человек. Какие-то статьи "склеиваются" из кусков написанных несколькими людьми. За редким исключением скриптор научного текста не возглавляет список авторов. В качестве силы, объединяющей группу в "точечного" автора текста, могут выступать как совместный исследовательский интерес, так и финансовая заинтересованность, административная зависимость или даже прямое насилие, если вспомнить творческие коллективы разработчиков ядерных проектов и научные наблюдения в "шарагах".

Слушая или читая, выговаривая или прописывая, "слушающий", "читающий", "говорящий" или "пишущий" по-разному подставляют себя под мысль в разных дискурсах и главное - здесь присутствует многообразие сил, подставляющих под мысль. Страх жестокого наказания, а порой и буквального физического уничтожения напрягает волю к знанию не хуже, чем влечение к деньгам, славе или бескорыстная любознательность.

Однако эти силы, с тем, чтобы легализоваться в научном дискурсе, должны одеть соответствующие "маски" и принять участие в соответствующих ритуальных хороюдах. Группы исследователей действуют под маской нумерически одного субъекта так же, как в архаичных ритуалах действуют единичные персонажи. "Дракона" играют порой десятки участников, но в рамках ритуальной коммуникации он фигурирует как единичный экземпляр. Его узнают, к нему обращаются и с ним ведут диалоги как с диалогическим партнером. Это он, а не тот, кто приводит в движе-

ние голову или хвост, рычит и издает звуки, погружен в язык диалогического общения с другими участниками представления.

Аналогичным образом в современной науке сложная констелляция политических, экономических и прочих сил позволяет сплотить группу людей в некую нумерическую единицу, которая в рамках строго ритуализированной научной коммуникации будет играть роль субъекта-автора. Именно его выводы и утверждения будут опровергать или подтверждать другие аналогичным образом изготовленные субъекты. Технология изготовления субъекта может быть разной - от практик ОГПУ-КГБ до самоформирующихся команд, конкурирующих за получение грантов от соответствующих фондов. Однако результат должен быть одним и тем же - появление в коммуникативном пространстве субъекта, играющего по правилам.

Неправильно изготовленные субъекты (как это имело место в лысенковской биологии) отторгаются рано или поздно безжалостной стихией естественно-научного отбора.

Необходимо отметить, что и та предметность, которая в постклассической фундаментальной науке фигурирует под названием "объект", как правило, имеет весьма далекое отношение к каким-либо природным образованиям. Объекты современной физики, химии или биологии являются в подавляющем большинстве случаев промышленными изделиями. Это и источники излучений, и химически чистые вещества, и стандартизированные линии культур клеток или лабораторных живых существ (крыс, мышей, дрозофил и т.д.).

В каждом из научных наблюдений эти изделия фигурируют лишь в строго определенном плане. Наблюдатель в физическом эксперименте, например, не наблюдает процессы, которые в то же время происходят с исследуемым предметом, но как химическим агентом. Иными словами, диалог субъекта ведется также с некой маской - объектом, который отвечает только на правильно поставленные вопросы и лишь на правильном языке данного типа объектного отношения. Физический субъект наблюдает в природном теле, которое вовлекается в познавательный "диалог", только физический объект, а не химический и на языке физики ведет с ним "разговор".

Остановимся подробнее на том, как протекает познавательный "диалог" субъекта с объектом в постклассической науке. По заключению В.С.Степина: "В классической физике идеалом объяснения и описания считалась характеристика объекта "самого по себе" без указания на средства его исследования. Современная

физика в качестве необходимого условия объективности описания выдвигает требование четкой фиксации взаимодействий объекта со средствами наблюдения"(4.с.20). Прибор как своеобразное орудие познающего субъекта является как бы "продолжением" его рук и усилителем его органов чувств. При посредстве приборов "наблюдатель" присутствует в экспериментальной ситуации и взаимодействует с объектом, ведет с ним "диалог".

Вопрос не только в том, что телесная организация субъекта стала наблюдаемой. В классической науке постоянно присутствовала проблема несовершенства органов чувств и средств наблюдения. Классический субъект как бы чувствовал свое тело, мешающее ему неискаженно наблюдать события в мире объектов. Однако была иллюзия, что в результате совершенствования метода наблюдения и его средств возможно будет это влияние минимизировать и в принципе достичь точности, при которой можно будет искажающим присутствием средств наблюдения пренебречь. В постклассической науке "тело" становится неустранимым элементом "... познавательного акта, включающего в себя, по аналогии с квантово-механическим подходом, эффект наблюдателя, располагающего собственной телесно-приборной структурой (личностным знанием)"(1, с.41).

Выше нами было отмечено как в реальности происходит "производство" субъекта в качестве наблюдателя. Прибор в современной фундаментальной науке разросся до грандиозных размеров. Ускоритель частиц представляет собой целый завод, работа которого обеспечивается координированной деятельностью массы рабочих, инженеров, менеджеров, профкома или парткома. Вся эта социально-техническая конструкция упаковывается в процессе описания в нумерическую единицу, фигурирующую под этикеткой "средства наблюдения", или (в отношении к микрообъектам) - "макро-объект".

В классическом научном описании, которое продолжает оставаться преобладающим в науке, "прибор", будь то микроскоп с подогнанным по его мерке телом экспериментатора или социально-техническое устройство в виде "мезоновой фабрики", рассматривается в принципе как прозрачная среда наблюдения. В постклассической науке прибор теряет прозрачность и оказывается наблюдаемым, но не в своем естественном виде, а как некая теоретическая фикция.

Эта эвристически эффективная фикция, также как и фикция наблюдателя создается после проведения эксперимента в результате тщательного обсуждения, интерпретации, распределения ре-

зультатов измерений между участвовавшими группами и т.д. Только в результате письма, в процессе изготовления научной статьи возникает нумерически единичное образование, которое войдет в описание объекта в качестве "средств наблюдения". Именно эта гносеологическая фикция, а не реальный предмет и фигурирует в качестве участника субъект-объектного диалога.

Вернемся теперь к проекту синергетического движения в языке Аршинова-Свирского. Проведенная аналитическая разборка научного дискурса наводит на следующую мысль. Существует радикальное несовпадение между событиями, представляющими в рамках гносеологического отношения в качестве субъект-объектного отношения (диалога), и тем, что происходит с реальными людьми, вовлеченными в научную деятельность. При этом ни субъект, ни объект не является абстракциями реального человека или реального природного предмета, но их формами самоидентичности. По аналогии с архаичными ритуалами резонно предположить, что связующим звеном между отдельным человеком (или коллективом) и событиями, разворачивающимися в рамках гносеологического отношения, должны быть процедуры, напоминающие механизмы обрядовой идентификации и инициации, т.е. наделения определенной властью через присвоение легитимного имени-звания (как зовут). В этом, вероятно, смысл научных степеней и званий.

Разрабатывая проект синергетического движения в языке, очевидно следует учесть, что в науке, как в кукольном театре - представление, разворачивающееся на сцене, открытой для публики, под названием "научное исследование", и отношения между персонажами имеют мало общего с телодвижениями реальных кукловодов.

Литература

1. *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Синергетическое движение в языке. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 33-48.
2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
3. *Киященко Л.П.* Диалог внутри языка. Рационален ли язык? (рукопись).
4. *Степин В.С.* Идеалы и нормы в динамике научного поиска. Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981.
5. *Там Р.* Топология и лингвистика. Ж. Успехи математических наук. 1975, январь-февраль, т. XXX, вып. 1(181).